

В 2009—2010 годах в Беларуси реализовывался проект ЕС/ПРООН «Устойчивое развитие на местном уровне». Его главная цель — развитие потенциала по подготовке и реализации «Местных повесток-21» в регионах Республики Беларусь. Проектные мероприятия включали в себя организацию информационно-обучающих семинаров, исследования и подготовку публикаций, обмен опытом с соседними странами, оказание поддержки при разработке «Местных повесток-21» и «Зеленых маршрутов», распространение полученного опыта. В рамках этого проекта была проведена работа по развитию институциональной базы развития «Местных повесток-21» и предоставлена нормативно-правовая поддержка центральным и местным государственным учреждениям в сфере устойчивого развития на местном уровне.

Перешагнув порог нового тысячелетия, человечество постепенно выбирает путь устойчивого развития. В различных странах этот процесс происходит в разных реалиях и возможностях, имеет неодинаковые результаты. В Беларуси также проявляется тенденция сознательно менять подход к основам жизнедеятельности.

Список цитируемых источников

1. *Степин, В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / В. С. Степин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 1996. — 174 с.
2. Наше общее будущее : докл. Междунар. комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. ; под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета ; предисл. Г. Х. Брундтланд. — М. : Прогресс, 1989. — 371 с.
3. *Белл, Д. В.* Введение в устойчивое развитие / Д. В. Белл, Ю. А. Чеунг // Энциклопедия систем жизнеобеспечения: знания об устойчивом развитии : [в 3 т. : пер. с англ.]. — М. : Магистр-Пресс, 2005. — Т. 3. — С. 466—500.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/macroeconomy/nacionalnaya-strategiya>. — Дата доступа: 25.12.2012.
5. Анализ национальных стратегий устойчивого развития Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ecoproject.by/ob-organizacii/analiz-nacionalnyh-strategiy-ustoychivogo-razvitiya-respubliki-belarusi.html>. — Дата доступа: 25.12.2012.

УДК 94(476)

Н. В. Смахович

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», Минск

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Государственность и государство. Полагаем, разговор о государственности и государстве следует начать с понятий. Вспомним, что Ф. Энгельс писал: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме, отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые нам дает исторический процесс» [1, с. 497]. С этим выводом Ф. Энгельса трудно не согласиться.

Теоретическая основательность и последовательность — база концептуальности. В исторической науке, как и в реальной жизни человека и общества, эта последовательность находит воплощение в логической взаимосвязи исторических фактов, событий и явлений. В то же время любая деятельность человека имеет продуманно-целенаправленный характер. В свою очередь, продуманная целенаправленность находит отражение в категориях абстрактного мышления. Следовательно, в вопросе о государственности присутствуют две стороны, которые относятся друг к другу, взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, это экономические, социальные процессы, которые составляют основу развития всякой общности; с другой — это политические отношения, в рамках которых экономические, социальные отношения и процессы обретают форму государственного организма.

По традиции, сложившейся еще в советской исторической науке, политические отношения рассматривались как результат экономических отношений разных групп населения — классов. Здесь мы видим теоретическую последовательность, наблюдаем конкретно-фактическую сторону этих отношений — историю каких-либо государств. Эту последовательность необходимо проследить на примере отдельных научных понятий.

Научные понятия — также результат осмысления реальных социальных, экономических и политических процессов. Они не «придумываются» беспредметно, а являются отражением исторического процесса в целом. В качестве конкретного примера возьмем понятие «государство». Это понятие в долеписный период имело иное содержание. Начиная с железного века, такие привычные для нас понятия,

как «территория» и «население», которые неразрывно связаны с понятием «государство», не связывались с политической организацией общества. Племена почти повсеместно не имели постоянной территории, они перемещались. В IV—VI вв. н.э. под воздействием и влиянием гуннов геополитическая карта Европы постоянно трансформировалась. Это была эпоха Великого переселения народов, которая оказала влияние на последующую историю всех народов Европейского континента, в том числе и восточных славян.

По этой причине такие концепты, как «государственность» и «государство», в научной литературе, прежде всего в философской, долгое время не разрабатывались. В античные времена древние греки пользовались понятиями “polis”, “politea”, которые были идентичными таким современным понятиям, как «политическое сообщество», «гражданское общество», «государство».

Афинская демократия, как инструмент властвования, касалась всех граждан, управление в полисе было делом всего общества. Поэтому Аристотель и говорил, что «человек — существо политическое», «существо, живущее в полисе». «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку, ...каждое государство слагается из отдельных семей», — утверждал Аристотель [2, с. 379, 380]. В Древнем Риме сфера управления соответствовала понятиям “respublica” и “societascivilis”. В связи с этим римское право называлось гражданским, а не государственным. Российский историк и философ К. С. Гаджиев утверждает, что античные мыслители вообще не знали понятия «государство», которое было введено в оборот Н. Макиавелли («Государь») [3, с. 30]. У него государство — это, прежде всего, организация политической власти.

В дальнейшем французский теолог, философ, юрист и историк Ж. Боден в своих трактатах («Шесть книг о республике», 1576) попытался дискутировать с античными и европейскими, в том числе современными ему авторами на тему происхождения государства, сути власти и форм правления. «Высказывания Макиавелли являются вершиной государственной мысли, и в них я не могу найти ничего, что вызвало бы сомнение», — писал этот французский историк.

В вопросе о происхождении государства он повторил Аристотеля. Однако в условиях социально-политического противостояния, характерного для правления Генриха III, его не могла не занимать мысль о характере и пределах политической власти. В связи с этим он ввел понятие суверенитета, «т. е. права издавать законы, объявлять войну и мир, права высшего помилования, права выбора всех магистратов, особенно Сената» [4, с. 216—239].

У Ж. Бодена встречается термин «государственность». «Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например, диктатур...», — написал он во введении к «Методу легкого познания истории» [4, с. 18]. У этого французского философа и историка государственность — это все то, что связано с формой правления: демократическая государственность, диктаторская государственность, монархическая государственность и т. п. Никакого иного толкования государственности у него не встречается.

В конечном счете через века в философско-правовой мысли стран Западной Европы античные выражения “statusreipublicae”, “statusreiromanae” видоизменились и стали использоваться для обозначения понятия «государство» — “stato”, “staat”, “etat”, “state”. Эти последние термины в дословном переводе соответствуют правовым понятиям “статус”, “состояние”, “упорядоченность”. В политических реалиях стран Запада начала XXI в. понятие «государство» используется прежде всего тогда, когда разговор ведется об институтах власти и должностных лицах, которые составляют систему управления [3, с. 21, 22, 30, 58, 227, 228].

В оксфордском словаре термин “statehood” (государственность) трактуется как “the fact of being an independent country and of having the rights and power of a country” [факт существования независимой страны и обладания правами и властью (силой) страны] [5, с. 497]. В другом смысловом значении “statehood” — это состояние существования одного из штатов внутри страны, например США или Австралии: Западная Вирджиния. И в этих толкованиях не прослеживается различия между государством и государственностью.

В странах Западной Европы история как наука оформилась во второй половине XIX в. Профессиональные историки, в том числе российские, находились под влиянием немецких философов. Поэтому в их эпистолярной практике «государство» и «государственность», как правило, отождествлялись. Например, В. О. Ключевский писал, что «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона» [6, с. 42]. С. М. Соловьев считал, что государственность — это «правительство в той или другой форме своей, есть произведение исторической жизни известного народа» [7, с. 18]. Очевидно, что у В. О. Ключевского и С. М. Соловьева в освещении сути государства преобладает концепция народа-государства.

Ситуация не изменилась и с появлением марксистского учения о государстве. Марксистское учение о государстве вполне «вписывается» в общую социально-политическую доктрину классов и классовой борьбы, которую начал освещать еще Н. Макиавелли в «Истории Флоренции». Надо отметить, что в работах К. Маркса встречается термин «государственность». «Различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности»,

в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество», — писал К. Маркс в «Критике Готской программы» [8, с. 21]. К. Маркс усматривал корень государственности в классовости общества, поэтому у него не просматривается разницы между государством и государственностью. Сутью буржуазной государственности является буржуазное государство, а сутью коммунистической государственности — отрицание государства.

Предельно точно логику марксизма в отношении государства изложил В. И. Ленин в работе «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». По философско-гуманному определению В. И. Ленина, «государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий» [9, с. 7, 36].

Нетрудно заметить, что в теоретических конструкциях Аристотеля, Макиавелли, Бодена, ряда других мыслителей государство статично, поэтому они были вынуждены писать о «современном» государстве, хотя по атрибутивным признакам принципиальной разницы между «современным» и «несовременным» государствами не наблюдается.

В марксизме преобладает концепция общества-государства, но только общества классового и, соответственно, такого же государства. Вместе с тем марксизм рассматривает государство не в качестве готового предмета, а как результат классовоориентированного исторического процесса.

В XX в. в социогуманитарных науках целого ряда стран возобладали марксистские методологические подходы к проблеме исследования и освещения сути государства, начиная с процесса его возникновения. В трудах советских философов, историков, экономистов велся разговор о государстве и государственности как сущностно едином понятии. Это нашло отражение и на страницах энциклопедических изданий. Государственность — термин, который в политической литературе употребляется: 1) как синоним государства вообще, государства того или иного исторического типа; 2) для обозначения системы диктатуры определенного класса; 3) для обозначения системы органов государства; 4) при объединении в определенные группы каких-либо общих черт или признаков государства, — говорится в Большой советской энциклопедии [10, с. 162].

Так что же представляет собой государственность? Существуют ли различия между понятиями «государственность» и «государство»? Если существуют, то в чем они коренятся? Необходимо отметить, что обозначенные проблемы касаются не только исторической науки, прежде всего в силу своей категориальности они носят философско-мировоззренческий характер. Заинтересованность в их разработке у специалистов социогуманитаристики, на наш взгляд, общая.

Как отмечает доктор философских наук, профессор В. И. Чуешов, «в первом приближении государственность характеризуют такие социальные и политические предметы, которые не являются государством и, следовательно, по времени вполне могут предшествовать национальному государству, а также существовать вне его границ» [11, с. 128—129].

Обычно исследователь, который ориентируется на принцип историзма, одновременно нацелен на поиск момента возникновения исторического факта, события или явления. Но в позитивистской интерпретации истории (на уровне теоретического осмысления) такой задачи перед исследователем не ставится. Ибо позитивизм как методология рекомендует исследователям рассматривать исторические явления, в том числе государственность, в качестве единичных явлений. Концепт «развитие» отсутствует в позитивистской методологии. А если нет развития — нет никаких закономерностей исторического процесса. Отрицание закономерностей исторического процесса — фундамент позитивистской верификации. В таком случае получается, что «государство» и «государственность» по своему предмету совпадают. Отрицание исторических законов и закономерностей в позитивизме получило определение отказа от умозрительных метатеоретических абстракций и общих рассуждений.

Марксистская философская концепция диалектического материализма, наоборот, опирается на исторические закономерности, присущие человеческой деятельности. Поэтому исследователь может использовать категорию «развитие», вести поиск этапов, эволюции форм и содержания исторических фактов и событий. Марксистский диалектический материализм как методологическое учение доказывает, что история — это целенаправленная человеческая деятельность (К. Маркс). В случае с государственностью — это также целенаправленная деятельность этнонационального сообщества ради самосохранения и развития во времени и пространстве. Поэтому, опираясь на принцип историзма, присущий методологии диалектического материализма, впервые в истории мировой гуманитарной научной мысли в коллективной монографии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. Кн. 2.» дефиниция «государственность» получила принципиально новую трактовку. И если ранее, как уже отмечалось, историки, философы, правоведы рассматривали государственность как синоним государства, его органов и признаков, то сегодня мы установили и утверждаем: государственность, например белорусская, это «право этнонациональной общности, потенциальная способность и возможность ее национальной элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию» [12, с. 502].

В соответствии с нашей концепцией государство — это конкретно-историческое воплощение права, способности и возможности в историческом пространстве и времени. Государство — это не что иное как сувокупность государственно образующих процессов. Продолжая разговор о государственности, отметим,

что формы воплощения государственности могут меняться, эволюционировать, но сама государственность всегда остается неизменной. Наше определение сущностного содержания государственности — важное научное достижение, которым могут воспользоваться праведы, политологи, представители других социогуманитарных дисциплин. Это дало возможность проследить эволюцию и определить формы белорусской государственности. В соответствии с нашей концепцией белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции нашла воплощение в двух формах — исторической и национальной. Полоцкая, Туровская и Киевская Русь — это в одинаковой степени первые исторические формы белорусской государственности. Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, куда входили белорусские земли, — вторая историческая форма белорусской государственности. Третьей исторической формой государственности на белорусских землях была Речь Посполитая. Исторические формы государственности принадлежали не только белорусскому народу, но и другим народам, на территории которых они существовали. Эти формы были полиэтническими [13, с. 7].

В то же время к национальным формам государственности принадлежат те формы, в титулах которых присутствует национальный компонент «белорусская». К ним относятся: Белорусская Народная Республика, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь.

На наш взгляд, новая трактовка дефиниции «государственность» имеет принципиально важное значение и для дальнейшей разработки, например, идеологии белорусской государственности учеными и специалистами-обществоведами, потому что идеология Республики Беларусь — современного белорусского государства — это только его Конституция. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении к Российской Федерации, любой другой страны.

Краеугольным камнем идеологии белорусской государственности является изложение и характеристика исторического пути, пройденного белорусским народом на протяжении тысячелетней истории, определение истоков и форм белорусской государственности.

Например, в контексте новой трактовки государственности историки начали освещать исторический путь, который прошел белорусский народ в XIX — начале XX в., также по-новому. В книге сделан вывод, что белорусская этнонациональная общность не «теряла» своей государственности, которую не надо было «возрождать». Вместе с разделами Речи Посполитой это государство прекратило свое существование. Однако это означало, что этнонациональные сообщества (польское, белорусское, украинское, литовское), которые являлись носителями совместной государственности, в новой ситуации могли избрать два пути или направить свою деятельность на восстановление в той или иной форме старого, но нежизнеспособного государства, безликой Речи Посполитой, или обеспечить реализацию идеи государственности на новой основе — формировании и консолидации своих национальных элит, которые смогут обеспечить дальнейшее развитие в рамках собственного титульного государства.

В конечном итоге к 1870 г. молодая белорусская национальная элита осознала, что надо добиваться реализации права своего народа на самостоятельное историческое существование. Об этом возвестили белорусские народники в столице России. А поскольку после 1861 г. все тяготы и издержки реформирования правящим классом России были возложены на плечи тех, «кто пашет и молчит», процесс консолидации белорусской элиты ускорился. «Консолидация белорусских рабочих и крестьян с местным дворянством и буржуазией на почве борьбы за автономное устройство края привела к формированию реальной социальной силы, с интересами которой нельзя было не считаться. В начале XX в. почти все политические течения, которые представляли интересы белорусской нации, ориентировались на автономно-государственное развитие края в составе демократической Российской федеративной республики» [13, с. 602].

Говоря об этом, надо помнить уточнение А. И. Луцкевича о том, что «идея автономности Беларуси в составе России возникла в результате синтеза белорусской национальной идеи с идеей социально-политической борьбы с опорой на общероссийское революционное движение» [14, с. 217]. Представителям белорусской национальной элиты в конце XIX — начале XX в. было очевидно, что без опоры на общероссийское революционное движение добиться свержения самодержавия будет практически невозможно. Следовательно, это значит, что в XIX — начале XX в. на территории белорусского края развивались нациообразующие, элитаобразующие процессы, которые наполняли государственно образующие процессы реальным социальным содержанием, они (эти процессы) были составной частью единого общероссийского потока, имевшего общую цель. Эта цель была достигнута в 1917 г., в конечном итоге указанные процессы завершились тем, что белорусский народ добился реализации права на государственность путем создания национального государства.

В соответствии с нашей концепцией государственность как право белорусской этнонациональной общности, будучи нематериальным объектом, одновременно является субстанцией-детерминантой ее существования и развития. Это право воплощалось и воплощается в историческую действительность (процесс) национальной элитой. Оно (право) зависит от способности элиты обеспечить его реализацию на протяжении всей жизни общности. Воплощение этого права является атрибутивным свойством народности/нации, с помощью которого можно характеризовать как процесс становления и формирования (завершен или нет, его этапы), так и ступень «зрелости» этнонациональной общности. Само по себе наличие национальной элиты — это еще не гарантия того, что общность сможет реализовать свое право.

Обязательным условием является наличие других атрибутивных свойств — способности элиты обеспечить реализацию права в конкретной исторической ситуации. В свою очередь концепт «способность» характеризует наличие реальных и потенциальных интеллектуальных, политических, экономических, информационно-идеологических, военных, кадровых и иных ресурсов, необходимых для всесторонней деятельности в целях реализации отмеченного права.

Национальная идентичность. Почти во всех областях научного знания белорусы имеют весомые результаты, которые вносят вклад в сокровищницу мировой науки. Пожалуй, только в области разработки проблематики, связанной с государственностью, у белорусов до недавнего времени не было достижений по той причине, что проблематика государственности, прежде всего, нуждается в теоретико-методологическом анализе и осмыслении исторического пути, пройденного белорусским народом.

Трудности в осмыслении этого пути были обусловлены не только недостаточностью источниковой базы, малоизученностью исторических начал этого пути, в частности, в период VI—IX вв., но и тем, что отечественная историческая наука как не имела, так до сих пор и не создала концепцию становления и развития белорусской нации. Нет у нас и труда по истории белорусской элиты. Указанная проблематика также требует глубокого теоретического осмысления. На одной сумме фактов и телеге старой концепции возникновения буржуазных наций, изложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом в Манифесте Коммунистической партии, далеко не уедешь. В рамках этой концепции белорусы в XIX в. — догоняющая нация, которая запоздала в своем развитии [15, с. 4].

Однако социально-экономические, политические и цивилизационно-культурные реалии начала XXI в. свидетельствуют, что белорусы никого не догоняли. В своем развитии, как историческая общность, они ни от кого не отставали и не отстают. С начала XX в. они стремились реализовать собственную модель цивилизационного развития, в которой национальный фактор (в отличие, например, от Франции, Италии, Испании и Германии) не был главным, стержневым. Поэтому решение социальной проблематики осуществлялось не в условиях противоречий классовой борьбы, а по законам социальной гармонии.

Такое понимание возможных путей развития наций только начинает обретать право на существование, только пробует пробить брешь в стене западно-либерального понимания истории европейских наций. В результате на протяжении длительного времени в отечественной исторической науке не было разработано концептуального понимания исторического пути, пройденного нашим народом. В среде людей, мышление которых было озадачено поиском ответа на вопрос «Какое вековое историческое наследие, обретенное на этом пути, являлось национальным?», возникало немало рассуждений, которые сводились к попытке соединить государственные и национальные начала этого пути, соединить под лозунгом «Государственное должно стать национальным». Для этого государственное должно было, так сказать, обрести паспортно-метрические характеристики. В период с 1991 по 2010 г. эти рассуждения были изложены и получили постоянную «прописку» на страницах школьных и студенческих учебников, множества научных статей, монографий и энциклопедических изданий [15, с. 4].

По нашему определению, **нация — это единое, консолидированное на основе общих духовных и культурных ценностей, прав и свобод человека сообщество с высоким уровнем национальной идентичности, сообщество, способное к саморазвитию на базе собственной государственности.** Национальная идентичность базируется на единой исторической памяти, единых представлениях о национальном имени, языке, территории и культуре. Целью нации является борьба за реализацию идеи национальной государственности, а государственность — это неотъемлемое право нации на самостоятельное историческое существование и развитие. Национальное государство (нация-государство) — не что иное, как конкретно-историческая форма реализации права нации на государственность.

Строительство нации и развитие национальной идентичности как личности, так и общности — процесс взаимосвязанный и взаимообусловленный, ибо нет нации без идентичности и национальной идеи. По нашему определению, национальная идентичность — это конкретная эмоционально-психологическая, политико-идеологическая и культурная реакция/позиция как отдельных индивидов, так и этнической группы в целом в восприятии себя в окружающем мире, которая проявляется в принятии ими решений во всех сферах исторической деятельности [16, с. 5]. Для национальной идентичности белорусов характерны склонность к отсутствию агрессии и гостеприимство по отношению к своим историческим соседям (толерантность), ибо до Республики Беларусь нация не имела опыта государственного строительства вне союза со своими соседями; непротivление злу насилием (или мягкосердечие, доброта), которые сродни покорности судьбе. Для белорусской идентичности и менталитета типичны «помярковность» как форма внутренней «закрытости» и внешней отстранённости, умение приспосабливаться; мирозерцательность в форме пассивности, медлительности и отсутствия склонности к принятию скоропалительных решений. Для белорусов типичны патернализм, склонность к коллективистским формам принятия решений; тяга (на уровне архетипа) к социальной справедливости и равенству; непреклонная решимость и верность идее собственной государственности. В политико-идеологическом отношении для белорусов типична устойчивая приверженность консерватизму, в том числе в форме почитания исторических обычаев и традиций. Для национального характера белорусов типичны стойкость и терпение в преодолении трудностей и невзгод, трудолюбие и осуждение лодырей и лентяев, добродушие, бережливость, сочувствие и задушевность в отношении людского горя, осуждение жадности и зависти к богатству, любовь к Родине, оптимизм.

Главным носителем национальной идентичности является национальная элита. В XIX в. в Беларуси основой ее формирования стала интеллигенция в широком смысле этого слова.

Все это в полной мере проявилось при принятии Кревской, Люблинской и Брестской унии, в период работы Четырехлетнего сейма, принятии Конституции 1791 г., в восстаниях 1794, 1830—1831, 1863—1864 гг., в процессе работы I Всебелорусского съезда (1917), при объявлении БНР, создании ССРБ, в период существования политической системы, присущей СССР и БССР, имеет место и в действительности суверенной и независимой Республики Беларусь.

Из дефиниций «государственность», «нация», «национальная идентичность», изложенных выше, следует, что общим, объединяющим началом является их нематериальность. Однако, будучи нематериальным объектом, эти категории воплощаются в историческую действительность (социальную, политическую, культурную практику) посредством целенаправленной деятельности. Очевидна их взаимосвязь и взаимодействие. Государственность как совокупность элитаобразующих, нациообразующих, классовообразующих процессов находится в зависимости от степени идентификации как отдельных индивидов, так и этнонациональной группы в целом. В то же время как самоидентификация, так и этногрупповая идентификация находятся под сильным воздействием государства как конкретно-исторического воплощения идеи государственности. Это фиксируется в титуле государства. К особенному можно отнести то, что в исторической действительности как реализация права общности, так и ее позиция в восприятии себя в решающей мере зависят от деятельности элиты, ее способности обеспечить самостоятельное историческое существование самой общности. Это главное, определяющее имманентно присущее национальной элите свойство. К особенному можно отнести и белорусскую национальную идею, которая родилась в пламени восстания 1963—1864 гг.

В общем и целом в период с 1795 по 1917 г. на базе духовного и культурного единства родилось единое, консолидированное представление о территориальной, исторической и политической субъектности Беларуси, был получен ответ на судьбоносный вопрос: кто мы, какова цель национального движения и в чем состоит суть решения национального вопроса. К этому времени появились основные атрибуты белорусской нации — национальная элита и национальная интеллигенция; институты национальной памяти — научное белорусоведение, белорусская пресса и книгоиздательство, труды по истории Беларуси; были определены этнические и территориальные границы. Но самое главное — к этому времени национальная идентичность достигла такого уровня, который обеспечивал дальнейшее саморазвитие сообщества на базе реализации идеи национальной государственности в форме создания нации-государства.

Список цитируемых источников

1. *Энгельс, Ф.* Карл Маркс. К критике политической экономии / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1959. — С. 489—499.
2. *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегр. ; общ. ред. А. И. Доватура. — М. : Мысль. — Т. 4. — 830 с.
3. *Гаджиев, К. С.* Политическая философия / К. С. Гаджиев. — М. : Экономика, 1999. — 606 с.
4. *Боден, Ж.* Метод легкого познания истории / Ж. Боден. — М. : Наука, 2000. — 412 с.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary. — Oxford University Press, 2005. — Sally Wehmeier(ed.). — 1780 p.
6. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1987. — Т. I. Курс русской истории. Ч. I. — 430 с.
7. *Соловьев, С. М.* Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев ; сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева. — М. : Правда, 1989. — 768 с.
8. *Маркс, К.* Критика Готской программы / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1977. — 48 с.
9. *Ленин, В. И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1975. — 160 с.
10. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Совет. Энцикл., 1972. — Т. 7. Гоголь—Дебит.
11. *Чуешов, В. И.* Государственность как категория политической философии и социогуманитарных наук / В. И. Чуешов // Республика Беларусь : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. практ. канф., Мінск., 24—25 лістап. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — С. 126—129.
12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — Кн. 2. — 654 с.
13. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — Кн. 1. — 584 с.
14. *Луцкевіч, А. І.* Да гісторыі беларускага руху / А. І. Луцкевіч. — Беласток : Беларус. гіст. т-ва ; Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2010. — 345 с.
15. *Смехович, Н. В.* Историческая наука и образование в современном общественном сознании / Н. В. Смехович // Гісторыя і грамадазнаўства. — 2014. — № 6. — С. 3—6.
16. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2008. — 615 с.